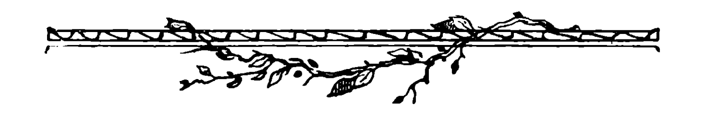
Первое слово

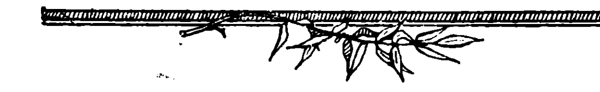
Московский рабочий
1958



Первое слово

Московский рабочий

1956



ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое слово, первый шаг в литературе — какое это волнующее событие в жизни юноши или девушки, почувствовавших в себе силу сказать о себе, о своем времени, о своем поколении! Поэзия всегда была спутником молодости, и я не знаю лучшего эпитета к слову поэт, чем эпитет «молодой».

Читать сборник стихов молодых поэтов интересно всегда — и когда книжка еще пахнет типографской краской, и когда год издания на ее обложке говорит уже о далеком прошлом.

Если книжка только что вышла и новые имена и новые стихи возникли перед читателем впервые, он ищет на этих страницах то, что созвучно его сердцу, спорит с тем, что кажется ему сказанным не так.

Если книжка уже давнишняя, читатель берет ее в руки с особым чувством: он вновь встречается с молодостью тех поэтов, которых уже хорошо знает,

может быть, полюбил. Вот они — совсем юные, в окружении своих товарищей, начинавших вместе с ними.

Прочитав сборник стихов студентов Литературного института «Первое слово», я невольно потянулся к книжной полке, снял с нее и вновь перечитал некоторые ранее изданные сборники молодых поэтов. Не все участники этих сборников развились и утвердились в литературе, но каждый сборник, уже проверенный временем, представляет нам молодость определенного литературного поколения.

И вот читателю предложена новая книга стихов. Лишь отдельные фамилии звучат знакомо — много первых встреч произойдет на этих страницах.

В сборнике напечатаны — да позволено мне будет так неопределенно сказать — некоторые стихи некоторых студентов Литературного института имени А. М. Горького. Я говорю о некоторых стихах, потому что невозможно было уделить много страниц каждому поэту, пришлось ограничиться отдельными стихами, да еще, по возможности, короткими. В сборнике представлены далеко не все учащиеся в институте.

Литературный институт имени А. М. Горького, существующий уже 22 года, — особое творческое учебное заведение. Из дверей старинного дома на Тверском бульваре, дома, в котором жил когда-

то Герцен, вышло немало писателей, чьи имена широко известны, чьи произведения любимы народом. Можно сказать, что основное ядро среднего поколения советской современной литературы состоит из людей, в жизни которых серьезную роль сыграл Институт имени А. М. Горького.

Естественно, что не все молодые люди, оканчивающие Литературный институт, становятся писателями. По-разному развиваются индивидуальности, по-разному слагаются судьбы. Но несомненно то, что у нас созданы наиболее благоприятные условия для раскрытия и укрепления литературных талантов.

Предлагаемый читателю сборник стихов молодых поэтов имеет своеобразные черты, позволяющие судить вообще о развитии молодой поэзии сегодня.

Мы часто отмечали в послевоенные годы, что поэты приходят в поэзию немолодыми. Вот уже далеко ушли в прошлое военные годы, и мы являемся свидетелями новых событий в поэзии: приходят в поэзию совсем юные авторы. В этом сборнике многие участники являются молодыми поэтами во всех смыслах этого понятия. И, как следовало ожидать, они приносят в своих стихах непосредственные, не по воспоминаниям составленные, ощущения и переживания молодости, именно сегодняшней, явившейся в поэзию во второй половине двадцатого века.

Евгений Евтушенко в девятнадцать лет выпустил первую книгу стихов — о геологах, людях скромного подвига. Родители поэта — геологи. С детства Евтушенко проводил лето в геологических экспедициях. От одной темы юный поэт перешел к более широкому кругу тем. Он говорит по-своему, его голос можно узнать среди других голосов. Интересно учится у Маяковского Роберт Рождественский. Дыхание Донбасса, шахтерское воспитание принес в поэзию Николай Анциферов. И. Харабаров — семнадцатилетний таежный охотник — пишет интересные стихи о Сибири.

Особо следует остановиться на творчестве юных поэтесс. Их несколько в Литературном институте. В сборнике есть стихи Беллы Ахмадулиной, Людмилы Щипахиной, Ф. Алиевой, Юны Мориц. Хочется обратить внимание читателей на стихотворение «Чабан и доярка» Алиевой. Написанное в традициях дагестанской поэзии, это стихотворение радует мастерски построенным остроумным сюжетом. А стихи Б. Ахмадулиной «Ночью», я уверен, не в одну тетрадку будут переписаны студентками или молодыми работницами, которые найдут в этих стихах отражение своих чистых чувств. А как точно описывает пионерский лагерь Т. Жирмунская! Из бесхитростного рассказа о детстве вырастает большой разговор о судьбах послевоенного поколения. Наша молодежь благодаря заботам всего общества на-

ходится сейчас в таком состоянии, когда литературные таланты развиваются и в юности. Живые, неповторимые черты времени приносит литературная молодежь. Молодым поэтам есть о чем сказать яркое и умное слово.

В этом сборнике не все произведения находятся на одном уровне зрелости. Рядом с яркими и интересными есть и подражательные стихи, и неглубокие по мысли, по образности произведения. Но по этому сборнику можно судить о самочувствии нашей молодежи, о ее высоких душевных порывах и стремлениях. На этих страницах не нашлось и не найдется места для нытиков, для эстетов, для пустозвонов. Поднял руку, чтобы взять слово, — говори нечто важное, существенное, то, что тебя действительно волнует!

Я комсомолец. Я не отступлю! —

заявляет Юрий Полухин, и мы верим его поэтическому и жизненному напору.

Без гвоздя не прибьешь доски,
Без винта не зажмешь тиски.
Всем спасибо, кто жить умел
Для великих и малых дел, —

по-своему о том же говорит Лев Дубаев.

Как разовьются таланты и судьбы всех начинающих поэтов, участвующих в этом сборнике, трудно сейчас сказать. Но здесь много волнующих обещаний.

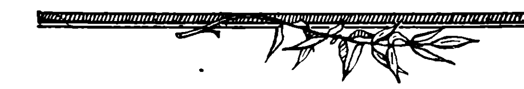
Хочется отметить, что в этом сборнике напечатаны стихи молодых поэтов, пишущих на одиннадцати языках. Тут есть переводы и с украинского, и с армянского, и с каракалпакского, и даже с албанского языка. Книга стихов студентов Литературного института напоминает венок из цветов — венок великой дружбы народов. В институте обучаются талантливые представители многих национальностей нашей Родины и братских стран народной демократии.

Самый молодой участок советской литературы отражает ее характер. Все стихи сборника пронизаны весенним оптимизмом молодости. Для представителей новых поколений поэтов не существует деления на личное и общественное, и эта цельность развивает лучшие традиции советской поэзии, выковывающиеся в борьбе и исканиях.

Иногда в стихах разных поэтов перекрещиваются темы и сюжеты, но это не следствие однообразия или результат заимствования, а лишь свидетельство общих черт, присущих новому поколению.

Чем глубже будут всматриваться молодые поэты в жизнь, чем активнее будут они принимать в ней участие, чем самоотверженнее они будут работать и учиться, тем больше успехов ожидает их.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ.



Юрий ПОЛУХИН

ЛЕНИНИЗМ

Преграды на пути своем сметая,
Он дело справедливое творит:
Вчера зажег он счастье над Китаем,
И всюду все живое озарит.

Не на штыках несут его солдаты —
От сердца к сердцу ленинизм идет.
У солнца есть восходы и закаты,
А у него — немеркнущий восход.

ЮНОСТЬ

Что прожил ты?
Вся жизнь перед глазами.
О чем тебе грустить в семнадцать лет,
Когда сложней, чем годовой экзамен,
Перед тобою испытаний нет?

А ты грустишь, собою недоволен,
И сетуешь порой в кругу ребят,
Что без тебя Алтай уже освоен
И Волго-Дон построен без тебя.
Но есть еще в райкоме комсомола
Путевки в необжитые края
Для тех, кто любознателен и молод,
И среди них —
находится твоя.
Пусть невелик еще житейский опыт
И нет заслуг особых и наград —
Тебе дадут нехоженые тропы
И выпишут доверия мандат.
Но перед тем, как уходить в дорогу,
Спроси себя: ты откровенен был?
Ты в самом деле можешь сделать много
Иль это только юношеский пыл?
Ты все обдумал?
— Я не мог иначе.
А вдруг хандра?
— Хандрить я не люблю.
Но могут срывы быть и неудачи?
— Я комсомолец. Я не отступлю.
А если так, иди —
и ты откроешь
Все то, что тропы новые таят.
Земля полна ненайденных сокровищ,
И ей по нраву молодость твоя.

ОСЕНЬ

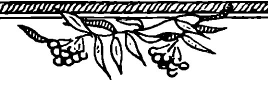
Спит Москва. Под утро — самый холод.
Зябнут клены около воды.
Ветер бродит, ветками исколот,
Морщит Патриаршие Пруды.

Нет часов, а догадаться трудно:
Может, пять, а может, без пяти.
Вот уже на улицах безлюдных
Первые троллейбусы в пути.

Пронеслось такси с зеленым глазом,
Прочертив резиной поворот.
Встрепенулся воробей и сразу
Взмыл на арку запертых ворот.

...Как прозрачно на бульваре стало!
Осень, расточительно добра,
Столько за̀ ночь листьев набросала,
Что, пожалуй, за̀ день не убрать.

Дворник наш ворчит на эти клены
И, вставая около шести,
Заметает листья на газоны,
Словно можно осень замести.



Иван КАШПУРОВ

РОДИНА

С этим словом мне всегда рисуется
Ясень у горбатого крыльца,
Гуси косолапые на улицах
И поля без края и конца.

Сберегла мне память сердца многое.
Только гляну мысленно назад —
Вижу,
Как мальчишки голоногие
Ловят в лужах юрких лягушат.

Вот на ветках яблоки неспелые
Дразнят нас, влекут к себе, как мед.
Голуби
Под свист задорный делают
Над садами плавный разворот...

Вечер.
Сенокос.
Костры и бороды.
Кони щиплют сочную траву,
Это все мне с детства очень дорого,
Это все я Родиной зову.

С этим словом мне всегда рисуется
Ясень у горбатого крыльца,
Палисадник,
Дремлющая улица
И поля без края и конца!..

Я ВИДЕЛ ДУБ...

Я видел дуб,
Могучий дуб,
Над кручей берега Кубани.
Стоял он,
Гордый солнцелюб,
Шатром зеленым на кургане.

Гроза и буря сотни лет
Здесь неистовствовали вместе,
А он — один — шумит в ответ
Листвой, штампованной из жести.

А он в волну,
Как пятаки,
Роняет жолуди устало,

И по течению реки
Дубовых рощ уже немало.

Над ним январскою порой
Не раз метели выли грозно,
А он букашек под корой
Обогревает от мороза...

Я видел дуб.
Он сотни лет,
Корнями в твердый грунт врастая,
Стоял,
Что крепость на земле,
Макушкой небо подпирая.

Но вот в свой мартовский разлив
Река,
Свершая «подвиг» черный,
Подмыла берег,
Оголив
Сухим ветрам витые корни.

И патриарх лесов поблек.
Смерть приближалась торопливо.
И чтоб продлить еще свой век —
Хватался он за край обрыва.

Но, видно, силы подвели.
И дуб огромный,
Ахнув глухо,
В корнях сжимая ком земли,
В Кубань разгневанную рухнул.



МЕТАКСЭ

В БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ ЛЕНИНА

Растет строенье — с каждым днем чудесней
На улице широкой, у метро,
И молота ударам вторит песня,
Веселая, звенит, как серебро...
Гляжу наверх, и сердце бьется в лад
Ударам, что отчетливо гремят,
Когда ж ты сверху улыбнешься мне —
Я вспоминаю, как ты каждый вечер
Сидишь в библиотеке, в тишине,
Серьезно, тихо, чуть ссутулив плечи, —
То пишешь, молчаливый мой сосед,
А то читаешь, жадно — том за томом...
А здесь ты любишь песню, шум и свет,
Трудясь над этим новым гордым домом
Здесь из камней слагаешь ты, любя,
Поэму века, что как солнце светел.
Когда вчера спросила я тебя,

В каком ты институте, ты ответил:
В таком, где ты скамеек не найдешь.
Теперь мне не смешно твое признанье:
Конечно, ты экзамены сдаешь,
И твой ответ — отстроенное зданье.
И вечером в читальный зал опять
Придешь, совсем другим, чем на работе,
И будешь делать записи в блокноте,
И будешь вновь читать, читать, читать...
А спросят: — Где ты, мастер, отдыхаешь?
Без отдыха существовать нельзя.
Ты с доброю улыбкой отвечаешь:
— В библиотеке Ленина, друзья.

Перевела с армянского Вера Звягинцева

РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Наш южный город
на рассвете розов,
Зарей и туфом розовым одет.
Под молотками у каменотесов
Запели камни
песню древних лет.
Как хорошо пешком идти с вокзала,
Внимая песне камня и листвы...
— Ты о себе рассказывай сначала
И о Москве
на языке Москвы.
Рассказывай о памятной минуте

В твоей счастливой жизни и судьбе,
Когда диплом в московском институте
Вручили
с поздравленьями
тебе.
Язык Москвы
понятен в Ереване, —
Не говори со мною о любви,
Любой прохожий,
услыхав признанье,
Поймет слова сердечные твои...
И ты,
смеясь в ответ на фразу эту,
Сказал, к моей притронувшись руке:
— Здесь в Ереване
слова по секрету
Нельзя сказать на русском языке.

Перевел с армянского А. Межиров.

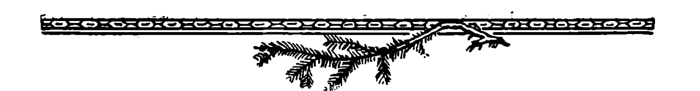
НА СВАДЬБЕ

Ты на лекциях, в тишине
Не конспекты —
стихи писал.
И тайком посылал их мне, —
Словно сердце мне посылал.
И дружили мы столько лет!
С каждым годом — нежней, верней.

И казалось:
под небом нет
Никого — для меня родней...
Как мы радовались — вдвоем!
Было накрепко решено
Справить свадьбу
в селе твоем,
Ведь мечтали о ней давно.
Что ни лето — прощай, Москва!
Провожала тебя на вокзал,
Как ловил ты мои слова!
Как ты руки мои держал!
Как ты был мне необходим!
Но сегодня ждала я — зря,
Возвратился ты — не один
В это
первое сентября...
Не скучал ты в родном дому,
Со счастливою обручась.
Только трудно понять, почему
Так люблю я ее сейчас?
Только ты не увидишь слез.
Обману тебя, притворюсь,
Что любила я —
не всерьез,
Что измены я не боюсь.
Что меня не волнует мысль:
Хорошо или худо ей!

Не любила я,
                    не стыдись...
Не страдала я,
                    не красней...
Засмеюсь,
               поведу плечом,
Постою одна в стороне.
Не признаюсь я нипочем,
Хорошо или худо
                         мне!

Перевел с армянского А. Коренев.



Николай АНЦИФЕРОВ

ОТЕЦ

Гудки охрипли, но басят, басят,
И каждый на своей, особой ноте.
Пришел отец (ему за шестьдесят)
Угрюм. Видать, неладно на работе.
Старик в подобных случаях всегда
Сидит в вахтерках, каски не снимая.
Остыл обед. В тазу кипит вода,
А он сидит и глаз не поднимает.
«Ну, вот и отработал. Что теперь?
Сменил какой-то техник желторотый».
Отца никто не выставит за дверь
И не оставят, ясно, без работы.
Пошлют — пойдет и к чорту на рога,
Пошлют — и чистить грязь пойдет
по штреку.

Вы знаете, как шахта дорога
Такому вот, как батька, человеку.
Он проработал в шахте сорок лет.
Часы работы если подытожить, —
Двенадцать лет шахтер не видел свет,
А под землей безвылазно их прожил.
Он тыщи верст за свой рабочий век
Прополз на четвереньках по забою...
И курит некурящий человек,
И молча смотрит в небо голубое.
— Наплюй на все, махни на все рукой, —
Мать говорит, — пора давно умыться.
Намаялся — скорей бы на покой,
Так нет, бранит начальственные лица.
Брюзжит на неполадки, старина.
Сидит на печке и молчать не может.
Сегодня ваше дело — сторона:
Теперь дипломы есть у молодежи.
Помылся и моложе стал отец.
Надел мундир почетного шахтера,
Медали, ордена...
Хоть под венец.
Но мать меняет тему разговора.
— Тряхнем-ка стариною, старина.
Давненько не бывали на народе.
— Сходи-ка лучше принеси вина,
Опять заныли ноги к непогоде.

ЗАПИСКИ

Я детство вижу, как сейчас...
Переходил тогда я в пятый,
Она кончала третий класс,
Ее дразнили конопатой.
Она из школы к нам домой
В записках горе приносила.
Все узнавал родитель мой:
Что я лентяй невыносимый,
Что я тяжелый ученик
И с дисциплиною в разладе.
Пятерки ставлю сам в дневник,
Рисую голубей в тетради,
За что родители меня
Критиковали в резком тоне,
Частенько с помощью ремня,
Порой — при помощи ладони.
А после критики такой
На сердце было очень грустно.
Девчонке собственной рукой
Грозил я письменно и устно.
Писать старался погрубей:
«Ну, погоди. Братвою встретим,
Докажем, рыжая, тебе!»
И не бросал слова на ветер...
С тех пор прошло немало дней,
Забыты детские замашки.
Теперь сокурснице своей
Тайком иные шлю бумажки.

А в них пишу, — да потеплей
И по возможности лиричней:
«Такой не сыщешь на земле,
Давно хочу сказать вам лично
Десяток слов наедине...»
А дальше — время, место встречи.
Но нет. Скучаю в тишине
Единолично каждый вечер.
Да-а, к ней отрезаны пути,
И не подступишь даже близко.
Придется, видно, отнести
К ее родителям записку.



Евг. ЕВТУШЕНКО

ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ

Года идут. О каждом годе
свое раздумье, свой рассказ.
Года идут,
                но не уходят,
а остаются среди нас.
Пусть не для всех порою четки
их профили и адреса,
у них есть лица и походки,
характеры и голоса.
Хочу сказать не в пышной оде,
где все известно наперед,
о пятом годе,
                славном годе,
о том, как он сейчас живет.
Он смотрит зоркими глазами,
всегда на выручку готов,

он обсуждает все, что с нами,
в кругу товарищей — годов.
Он зря не тужит —
                              службу служит
любви за лесть не продает,
с годами нашими он дружит,
чужим руки не подает.
Он, и плохое даже зная,
нас над неглавным поднимал.
Давал семнадцатому знамя
и сорок пятый обнимал.
Его пою,
              но в этой песне
слова упрямо говорят
не про бои на Красной Пресне,
не про героев баррикад;
не только в тех далеких залпах
его судьба для нас жива.
Хочу, чтоб он не слышал в залах
ненастоящие слова.
Хочу, чтоб все,
                        что юно,
                                    зелено,
к нему тянулось вновь и вновь,
чтобы его
              не замузеила
привычной ставшая любовь.
Ему присягу мы прошепчем
и понесем ее в себе,

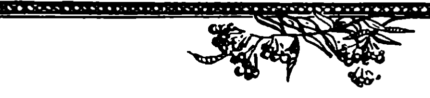
и будем петь
не о прошедшей,
а о сегодняшней борьбе...

•

ЗАВИСТЬ

Завидую я.
Этого секрета
не раскрывал я раньше никому.
Я знаю, что живет мальчишка где-то,
и очень я завидую ему.
Завидую тому,
как он дерется, —
я не был так бесхитростен и смел.
Завидую тому,
как он смеется, —
я так смеяться в детстве не умел.
Он вечно ходит в ссадинах и шишках —
я был всегда причесанней,
целей.
Все те места,
что пропускал я в книжках,
он не пропустит.
Он и тут сильней.
Он будет честен жесткой прямотою,
зло победит и защитит добро,
и там, где я перо бросал:
«Не стоит...» —

он скажет:
«Стоит!» —
и возьмет перо.
Он, если не развяжет,
так разрубит,
где я не развяжу,
не разрублю.
Он, если уж полюбит,
не разлюбит,
а я и полюблю
да разлюблю.
Я скрою зависть.
Буду улыбаться.
Я притворюсь, как будто я простак:
«Кому-то же ведь надо ошибаться,
кому-то же ведь надо жить не так...»
Но сколько б ни внушал себе я это,
твердя:
«Судьба у каждого своя...» —
мне не забыть,
что есть мальчишка где-то,
что он добьется большего, чем я.



Лина КОСТЕНКО

В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Клыки ископаемых, камни,
Изделия из самшита.
Море в стеклянной клетке.
Заброшены в угол ванты.
Редкие рыбы и птицы
подклеены и зашиты...
Словом, экзотика юга
в музейном варианте.
И вдруг в этом пыльном зале
ты видишь картину — горы,
и пропасть, и в сторону ружей
спокойный полуоборот.
Их били, им руки связали,
столкнули пулями в пропасть.
«Расстрел пяти комсомольцев.
Июль. Девятнадцатый год».

Должно быть, местный художник
не ведал таинства красок,
слабо ему удавались
оттенки и полутона:
чересчур зеленые травы,
слишком черные барки,
очень синее небо,
и кровь чрезмерно красна.
А может, не в этом дело,
А может, море шумело,
ярились живучие травы
и вдаль уплывали барки.
И просто пяти комсомольцам,
Стоявшим над собственной смертью,
все то, что они покидали,
казалось особенно ярким.

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Бегут березы к электричке,
рассвет румянится в окне,
и девушка с усталым личиком
все время клонится ко мне.
«С ночной?» – «Ну, да. – Она взглянула
на всех смущенно: – Спать хочу».
Вдруг покачнулась и уснула,
прижавшись к моему плечу.
А мне будить ее неловко.
Мне очень жаль будить ее...

Дорогие товарищи!
Скоро моя остановка.
Осторожнее, тише, пересядьте на место мое.

* * *

Высокий берег сер и жилист,
река тускнеет от тоски...
Но листья ведь не откружились
и не замерзли родники.

И если холодно березам
среди осенней полутьмы,
так это ведь не от мороза,
а от предчувствия зимы.

Утешь меня, согрей мне руки,
не оставляй открытой дверь.
Ведь от предчувствия разлуки
мне очень холодно теперь.



Роберт **РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

ОЖИДАНЬЕ

Так
любимых
не ждут у порога.
Так
к больному
не ждут и врача...
Пыль
на рыжих,
степных дорогах,
хоть картошку пеки, —
горяча.
Люди мнут
фуражки в руках,
от полей
глаза отводя...
Я впервые увидел,
как

ждут
дождя.
Ждут,
выдумывая всевозможные сроки,
ждут,
надеясь на чудо,
ждут,
матерясь:
«Пусть дороги развозит!
Плевать на дороги!
Лишь бы дождь!
Пусть тогда, хоть по горло,
грязь...»
А земля
горит.
От жары —
как в броне.
А земля говорит:
«Помогите
мне!
Без воды,
без дождя
больше я
не могу.
Помогите!
Ведь я
не останусь
в долгу...»

Как ей скажешь:
выдержи!
подожди!
Чем поможешь?!.
Минуты,
как вечность,
идут.
Люди ждут и молчат.
Люди
курят и ждут...
Ты мне пишешь:
в Москве у вас снова дожди.
Снова дождь.
По бульвару опять не пройдешь.
Снова дождь.
По обочинам мчат ручейки.
Дождь идет по Москве.
Теплый,
ласковый дождь...
Там скрываются от него,
чудаки!
Надевают плащи.
Открывают зонты.
Начинают
погоду ругать с утра,
ходят хмурые...
Если б увидела ты,
как негаданно вымахнув из-за бугра,

мчит,
дороги не разбирающий,
через поле
к нам
напрямик,
так пылящий,
будто пылающий,
сельсоветовский грузовик.
Председатель
выпрыгивает на ходу.
Он кричит.
А глаза блестят, как от голода:
«Будет
дождь!
Мне сейчас...
звонили из города... —
Пошатнулся
и дальше,
словно в бреду: —
Туча...
мне звонили...
свернула сюда...
к нам идет...
если мимо,
то...
быть
беде...»
Ты мне пишешь,
что вам надоела вода.

Напиши!
Напиши мне об этой воде!
О дождях напиши мне,
                                        о том, как тяжел
воздух перед грозой.
На погоду не жалуйся!
Напиши,
          что он был этот дождь,
                                        что он шел!
Пожелай нам ливня,
пожалуйста!

ВЫБОР

Вот здесь бы остаться!
Леса
     за окошком —
                    бескрайны, —
подальше б от станций!
Рванут к себе ручку стопкрана,
сказать себе:
          «Брось ты,
особенной доли
               не требуй, —
останься,
          чтоб просто
смотреть
          на июньское
                    небо.

Останься!
И сразу
не будет
стучать в перепонках,
не будет
ни грязи,
ни тряски,
ни плача ребенка
в соседнем купе,
ни тоски,
ни слепящего пота...
Неужто тебе
убежать от всего
неохота?»
Пусть так...
Я... останусь.
Ведь мне будет легче!
Ведь я
заслужил это право...
Пусть лягут на плечи
тяжелые,
рослые травы,
пусть
так, как всегда,
будут мимо
идти эшелоны...
Но будут
гудеть
поезда

и мелькать за окном запыленным
немые разъезды,
таежные,
хмурые чащи,
но кто-то
займет мое место
в вагоне стучащем
и будет мечтать
о путях,
неизведанных самых,
и будут встречать
не меня
на далеких вокзалах...
Нет,
я не останусь!
Пусть
душно и пыльно в вагоне!
Нет,
я не устану
за ветром
бросаться в погоню.
Пусть жребий мне выпал
без сна
обходиться помногу,
но если есть выбор,
то я выбираю
дорогу!



Виктор ПАРФЕНТЬЕВ

СЛОВО К ПАРТИИ

Мы это проходили
В пятом классе.
И вряд ли нынче
Кто-нибудь забыл,
Как надвигалась
Ледяная масса,
Как с Севера ледник
На землю плыл.
Дорогу устилая валунами,
Он оставлял
Неизгладимый след,
Который все же
Сглажен временами,
За исключеньем
Нескольких примет.

Враги на нашу
Землю наседали,
Но были от победы
Далеки.
Мечтали,
Воевали,
Рассуждали,
И отступали,
Словно ледники.

Родная партия,
Ты многое видала,
Вступая в равный
И неравный бой,
Но ты в минуты эти
Побеждала,
Ты чувствовала
Землю под собой.
Ту, где родился
Я в часы предгрозья,
Ту, где в войну
С ребятами играл,
С рябин сшибая
Налитые грозди,
Ту, где впервые
Трудности узнал.
Где есть река
Великая по силе —
Твоих побед

Начало из начал.
Мы этого нигде
Не проходили,
Я этого нигде
Не изучал.
А ты жила
От нас неотделимо,
И то, что мы
Считали за пустяк,
Что, нам казалось,
Проходило мимо,
Мимо тебя
Не проходило так.
Родная партия,
Ты многое видала,
Вступая в равный
И неравный бой,
Но ты в минуты эти
Побеждала,
Ты чувствовала
Землю под собой!

ПЕРЕУЛОК

Некрасивым кажется на вид:
Неуютный,
            старенький,
                        неважный,
Он еще ничем не знаменит
И названье-то ему — Калашный.

Ну, а мне он дорог и такой,
Уводящий к западу куда-то,
Выгнутый неправильной дугой,
С вышкой Моссельпрòма у Арбата,
С голубями, брошенными вверх
Маленьким веселым мальчуганом,
Со снежинками, как фейерверк,
С огоньками, тающими рано.
Есть у всех любимые места,
Я не стану спрашивать, какие.
Мне Калашный самым близким стал,
А другим —
и улицы другие.

ТЕЛЕФОНИСТКА

Ей каждый город позывные шлет.
И девушкой со стрелками в петличках
Она всегда передо мной встает,
Такой ее считают по привычке.

По телефону трудно угадать
И возраст и приметы незнакомой,
И повелось от одного к другому
Телефонистку девушкою звать.

Пройдут года, и постареют люди.
Всем постареть нам суждено судьбой,
А вот ее, как и сегодня, будут
Звать девушкою — значит, молодой.



В. КУЗНЕЦОВ

У СТОЛЯРА

Дымится с клеем жестяная кружка,
Верстак опилками усеян сплошь.
Здесь пахнет яблоками стружка,
А мастер на садовника похож.
В его руках умелых, запыленных
(Не без участья умной головы)
Сухие сосны, лиственницы, клены
Здесь превращались в стулья и шкафы.
Веселый мастер! Он всегда шутил:
— Моя профессия светла, как сказка,
А вашу я коляску починил.
И выкатил мне детскую коляску.
Гудит весна... Гоняет мальчик банку...
А мне о столяре не передать всего.
Пусть льется стих из сердца моего,
Как стружка чистая из-под рубанка.

РОМАШКИ

Сестре Марине

Я так люблю цветы моей земли,
Что часто, просыпаясь ночью поздней,
Я вижу, как в окне ромашки расцвели,
Хотя на самом деле это звезды.
И от волнения сдержаться не могу,
Иду к окну, сажусь на подоконник.
И все мне чудится: стою я на лугу,
Поет трава, пасутся мирно кони.
Девчонку вижу в ситцевом платке.
Я ей кричу – она бежит на крики...
Горят, как искры, у меня в руке
Отобранные крупные гвоздики.
Я отдаю свой маленький букет.
А где-то льется песня луговая...
Давно со мной девчонки этой нет,
Но почему о ней я вспоминаю?
Но почему... И сам себя ловлю...
Понятным все становится до точки:
Наверно, так цветы я не люблю,
Как ту девчонку в ситцевом платочке.

ДВОРНИК

Старый дворник снег метет.
Он устал, наверное.
Снег идет, идет, идет.
– Эх, погода скверная!

Разогнулся, взял скребок,
Отошел в сторонку.
— Нынче, видно, злится бог, —
Произнес негромко.
Вся Москва бела.
                    В снегу
Люди,
      сквер,
            «Победы».
— Можно, я вам помогу, —
Подошел я к деду.
— Что ж, попробуй, погляжу,
Парень, видно, ловкий.
Только я тебе скажу:
Это труд нелегкий.
Вам бы с девушкой гулять,
Пиво пить с друзьями:
Что до снега — убирать, —
Справимся и сами.
Я схватил большой скребок
И без слов — за дело.
Помогал ему, как мог,
Аж спина вспотела.
Я работал до огней.
Снегу было много,
Чтобы верил дед в людей
И не верил в бога.



Ходжамурат ТУРУМБЕТОВ

БАЛЛАДА О КОМСОМОЛЕ

Мы пришли к секретарю райкома
В чистый и просторный кабинет.
Тьма густая за стенами дома,
В комнате веселый, яркий свет.

Вот с помятой кепкою подмышкой
Дверь открыл несмелою рукой
Юноша, на вид совсем мальчишка,
Скромный и застенчивый такой.

У стола стоит, черноволосый,
Словно по команде «смирно» он;
Ждет, что зададут ему вопросы,
Тишиной торжественной смущен.

Капельки, как на траве росистой,
На висках, хотя жары и нет.
В сером пиджаке, в рубашке чистой —
Скромно и опрятно он одет.

И взглянув на паренька, припомнил,
Как сюда пришел я в первый раз.
С шапкою подмышкой, робкий, скромный.
Встал вот здесь, как он стоит сейчас.

Друг мой, эта робость мне знакома,
И меня тогда бросало в жар,
Но с улыбкой секретарь райкома
Руку мне по-дружески пожал.

Вспомнились военные ракеты
Над чужой чертою берегов.
Комсомол! В бою, с твоим билетом,
Я сильнее был своих врагов!

Силы с ним в сраженье прибавляло,
И на фронте, в грозный год войны,
Злые волны огненного шквала
Были мне не так уже страшны.

Я, в кольце врагов заклятых стоя,
Метко бил по вражеской броне,
И казалось, что Олег и Зоя
Руку дружбы протянули мне.

Оросил я снег горячей кровью,
Защищая мирных лет зарю,
И теперь с надеждой и любовью
В комнате на юношу смотрю.

Я смотрю на юношу с волненьем,
Помня, как навстречу шел боям,
И горжусь я этим поколеньем,
Что пришло теперь
на смену нам.

Перевел с каракалпакского Н. Кутов.

ХОРОШАЯ КНИГА

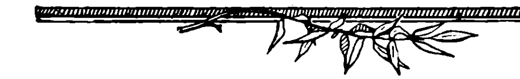
За окном огни зажгутся скоро —
В нашем парке, в зелени сквозной...
Только не дает мне выйти в город
Книга, что лежит передо мной.

Желтая луна плывет над парком,
Звезды над платанами висят,
Фарами поблескивая ярко,
Резвые полуторки спешат.

Запевают за окном девчата, —
В песне той и радость есть и грусть,
И гармонь зовет, зовет куда-то,
Но я дома все же остаюсь.

Это и тебе, мой друг, знакомо:
Хоть гулять и просится душа,
Ни за что ты не уйдешь из дома,
Если книга очень хороша!

Перевел с каракалпакского В. Торопыгин.



И. ФЕДОРИН

СТЕПНОЙ ЦВЕТОК

Если ты заблудился в степи,
Если ты ночевал в степи,
Если ночью дрожал в степи
Ты от холода и от страха,
Значит утром ты видеть мог
Небольшой зеленый цветок.

Ничего в нем особого нет,
У него даже имени нет,
Ну, а в чем же его секрет?
Он восхода встречает свет,
У него зубчатый узор,
Каждый зубчик его остер.

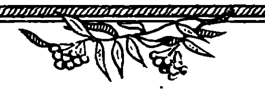
...Если ты заблудился в степи,
Если ты ночевал в степи,

Если ночью дрожал в степи
Ты от холода и от страха,

Если змеи шуршали у ног
И солома колола в бок, —
То на память тебе цветок
Даст один из своих узоров.
Он срастется с твоей душой,
Не сиявшей еще, но большой,

И тогда, как степная роса,
Засияют твои глаза,
Станет другом тебе восход,
Если в поле тебя найдет.
И с тобою будет вода
Разговорчива, как никогда.

Сбереги цветок навсегда.



Артур КОРНЕЕВ

1. ПАРНИШКА

Улыбка его на открытом лице
Сердец рабочих коснулась,
Когда он шагнул
Нерешительно в цех,
В свою неизвестную юность.
Закрыл за собою
Тяжелую дверь,
Волнуясь,
Сробев даже малость.
Решил он, что детство
Навеки теперь
За этою
Дверью осталось...

2. НОЧЬЮ

Он спит, забыв рубашку снять,
Забыв про все на свете,
Забыв, что раньше всех ребят
Зарю он завтра встретит.
Он спит здоровым, крепким сном,
Прижав к себе подушку.
Вихры по-детски озорно
Поднялись на макушке.
Рука, что дружит с молотком,
В чернильных синих пятнах.
Живется парню нелегко,
Да это и понятно.
Метель бушует за окном,
Гуляет по карнизам...
Он спит здоровым, крепким сном,
Строитель коммунизма.

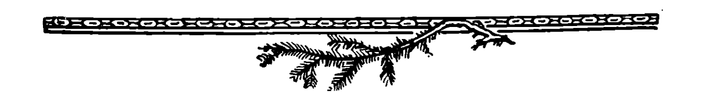
Л. КОКЫШЕВ

БУРЕНУШКА

Отец винтовку снял,
У двери встав.
На нас взглянул
И пот холодный вытер,
И плачущую мать поцеловав,
Он повторил:
«Буренку берегите...»
Всегда мы были
Сыты молоком,
И мать на фронт
Слать масло не скупилась.
Но вот однажды,
Несчастливым днем,
Буренушка домой
Не возвратилась.

Напрасно мы кричали средь лугов.
Вокруг стояла
Тишина немая...
С последним криком
Наших петухов
Буренушка вернулась
Чуть живая.
Она лежала
В пасмурных сенях,
На маму глядя,
Спрашивала будто:
— А как же проживешь ты
Без меня,
А как без молока
Детишки будут...
Уже туман за окнами
Редел.
И мама, обнимая нас,
Рыдала...
Как человек
После хороших дел,
Буренушка спокойно умирала...

Перевел с алтайского В. Фирсов



И. ХАРАБАРОВ

НЕХОЖЕНОЙ ТРОПОЙ

Я иду,
я дышу ароматом мяты.
Мой след в траве
неприметен пока:
Только цветы
кое-где примяты
да стебли
покачиваются слегка.
Топором
на деревьях затесы делаю,
и они остаются
после меня,
издалека приметные,
белые,
путников новых
вдаль маня

Быть может,
маршрут неверен, неточен,
и исчезнет мой след
средь камней и пней.
Мне старчески скажут:
«Молод ты очень.
Есть старая тропка —
и шел бы по ней».

И лишь заживут
на деревьях не сразу
раны,
сейчас нанесенные мной.
А покроются,
словно живительной мазью,
выступившей
зеленоватой смолой.

Потемнеют,
корою затянутся вскоре.
Даже сам я забуду
прежний свой путь.
Ну что же,
не очень большое горе.
Ну что же, беда небольшая.
Пусть!

Я не раз ошибусь, возможно.
Но лучше
пусть затеряется
след мой вдали,

чем старой тропою идти,
где лужи
гнилою плесенью
зацвели.
Где столько хожено,
столько езжено,
где идут любители
легких дорог,
где грязь перетоптана,
грязь перемешана
и без меня уже
множеством ног!

* * *

Ни о чем не печалься,
ни о чем не грусти.
Лучше пойдем-ка
в поля и луга.
Хорошо бы
июльское сено грести,
хорошо бы
его метать в стога.
Оно на прокосах
подсыхает давно,
В нем красный клевер
и зеленый пырей.
Чуть подгорело на солнце оно
и тихо хрустит
на зубах у граблей.

За работу возьмешься —
запоет душа.
Про обиды забудешь,
подумав о том,
как это здорово —
жить и дышать,
Спать в сене
пахучем и молодом.



Агван ХАЧАТРЯН

БЕЛЫЙ ВОЛОС

Ты волосы мои не грубо
Тревожишь пальцами руки,
Так золотую гриву дуба
Ласкают утром ветерки.

И вдруг затих твой нежный голос,
И побледнела ты сама:
Ты увидала белый волос,
А в нем—и старость и зима.

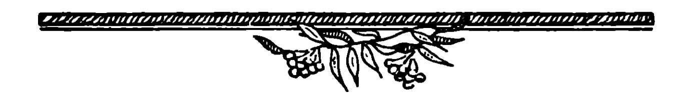
И смотришь огорченным взором...
Зачем ты сделалась грустна?
Бывает: в снежных шапках — горы,
А у подножья их — весна.

Задача самая простая —
Ты вырви этот волос мой,

Какая льдина не растает
Под теплою твоей рукой!

Но вот пройдут года проворно;
Ты голову мою возьмешь,
Найти захочешь волос черный
Хотя б один — и не найдешь.

Перевел с армянского Ю. Полухин



Герман ФЛОРОВ

ЖЕНЩИНА

Она внесла в купе с собою
Таежный пряный запах хвой.
Метель, как будто успокоясь,
Лежит на шали пуховой.
Глаза немножечко раскосы,
В ресницах тающий снежок...
Майор наладил папиросу,
Но спичку так и не зажег.
Снял архитектор осторожно
Очки с веселых карих глаз.
О новом городе таежном
Мы вновь услышали рассказ.
Шел поезд.
Женщина глядела
Туда, где сопок забытье.

Не говорила и не пела,
Но все смотрели на нее,
На четкий профиль, лоб открытый.
И всем казалось: даль близка,
Тайга привычна и обжита,
И сладок чай проводника!

Ю. МЕЛЬНИКОВ

НА ГРАНИЦЕ

Река то выгнется в дугу,
То снова распрямится.
Стоят на нашем берегу
Деревья вдоль границы.

А на румынской стороне,
За полноводным Прутом
Шумят колосья в тишине
И вечером и утром.

Шумят они, и суховей
Им никакой не страшен.
Как всходы на земле своей,
Хранят их клены наши.



Егор ПОЛЯНСКИЙ

НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Кулунда

Подхватил меня ветер странствий
И за тысячи верст занес.
Мчится «ЗИС» мимо сел и станций
В кулундинский степной совхоз.

Мой попутчик из Брянска родом
Сел на прыгающий чемодан, —
Мы проехали пыльный Лондон,
Скрылся в мареве Орлеан [1].

Вот и домики на пригорке,
Лишь отстроенные вчера.
Трактористы, готовясь к уборке,
Все выстукивают трактора.

---

[1] Лондон и Орлеан — названия алтайских сел.

Чиркни спичкой, и вспыхнет воздух,
Прокаленный, сухой, степной.
Хоть глоточек воды
Иль просто —
В речку с берега головой.

Тяжесть зноя лежит на спинах.
Плачет птица в пшенице: пить!
А навстречу идет дивчина:
— Шо вы, хлопцы?
Айда робыть!

Степь да степь —
Ни конца, ни краю,
И земля, как нагретая жесть...
Я не видел,
Где сталь закаляют,
Но ручаюсь:
Характеры — здесь!

Комсомольская свадьба

Плотно сдвинуты лавки,
Столы в два ряда.
Все глядят на дорогу
И чешут затылки.
Пятый раз про себя
Речь твердит тамада

И косится тайком
На бутылки.
Баянисты,
А ну веселее играй!
Шевелись, повариха,
Столы накрывай!
Вот они — на «Победе»
Летят молодые,
В новобрачных костюмах,
От пыли седые.
Им подносят на блюде
В цветах каравай.
Им кричат:
— Горько-горько!
Целуй, обнимай!
Им вручают часы,
Два отреза в полоску,
Патефон и в придачу
Для наследника соску.
Все довольны, смеются,
Шумят...
И тогда
Вдруг решительным басом
Слово взял тамада.
— Что ж, быть может, не очень
Богаты и ярки
Для таких комсомольцев
На свадьбе подарки.
И пускай не палаты,

Простые палатки
Новобрачным,
Но мы
Устраним неполадки.
А потом повернулся
К жениху:
— Николай,
Ты, брат, нашу Наташу
Люби — уважай!
Если б ты не женился
С такой быстротой, —
Быть бы нынче тебе
На пиру тамадой!

Сразу три баяниста
Рванули меха:
Выходи, коли смелый,
Уходи, коли робкий.
В честь счастливой невесты
И в честь жениха
Прямо в небо взлетали
Шампанского пробки.
Тамада, захмелев,
Обращался к ребятам:
Почему, мол, жених
Все танцует — не пьет?
И стакан подымал
За людей неженатых,
Ибо только они — полноценный народ.

Но амурские волны
Знаменитого вальса
Уносили ребят,
На просторе степном
Плыли пара за парой...
Во мраке остался
Лишь один холостой тамада за столом.



Борис ДУБРОВИН

В ПРИГОРОДНОМ ПОЕЗДЕ

Придержав грубошерстную юбку,
Дверь вагона закрыла рывком
Проводница со скатанным в трубку
Запылившимся желтым флажком.

Не от краски, от угольной пыли
Светлорусые брови темны,
Над бровями два шрама застыли,
Словно две напряженных струны.

Но под визг распахнувшейся двери
Между сумок, бидонов и ног,
Говор смяв, костыли заскрипели
И зашаркал тяжелый сапог.

Костыли, застучавшие властно,
Показалось – рассыпятся в прах

В этих плотных, испачканных, красных,
Словно кровью налитых, руках.

Ковылял он хозяйской походкой,
Тыкал в лица фуражкой без слов,
И несло откровенною водкой
От его непросохших усов.

На студентку он вдруг замахнулся:
— Поскупилась!.. — И матом прожёг.
Но у выхода словно споткнулся,
Натолкнулся на желтый флажок.

И впервые мигнули ресницы,
И впорхнула в вагон тишина.
— Маша, ты ли? — спросил проводницу
— Нет, не я! — отвернулась она.

— Это ж я — пулеметчик Васильев, —
Он выдавливал, чуб теребя, —
Ты ж из боя меня выносила,
Я из сотни узнаю тебя.

А когда повалило нас в яму,
Бинтовала ты ногу мою.
Я запомнил вот эти же шрамы.
Узнаешь меня?..
— Не узнаю!

Проводница, бледнея, привстала:
— Ну чего ты застрял на пути?
Выносить я б такого не стала.
Ты ошибся, давай, проходи!



Макан ДЖУМАГУЛОВ

ПУСТЫНЯ БЕТНАК-ДАЛА

Детнак-Дала.
Бетнак-Дала.
Нет ни куста.
Земля гола.
Тоска сглодала
все дотла...
Совсем мертва
Бетнак-Дала.

Детнак-Бетнак, —
Песок и зной,
ты рассказать
могла б другим:
Мы
сколько видели с тобой
голодных дней,
холодных зим?..

Бетнак, тебя,
за целый век,
где в зное
падает орел,
один, быть может,
человек,
осилил
И до «Чу»
добрел...

Не раз я бился,
как в бою
с нуждой,
как ты,
Бетнак-Дала.
Я твердость
переняла твою.
А бодрость духа
жизнь дала.

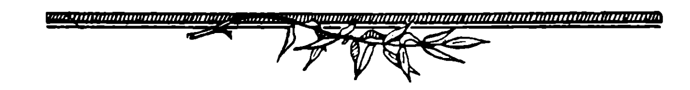
В буран, в метель,
В буран, в метель,
стена к стене,
стена к стене,
Рождался город
Улан-Бель
В Бетнак-Дала,
весь из камней.

Встает совхоз,
за ним — другой.
Горит в руках
каракуль твой.
То серебром
блестит руно,
то золотом
блестит оно.

Бетнак-Дала,
нам повезло.
Ты в тополях,
Цветах теперь.
Буранам, солнцам всем
назло
народ любовь
дарит тебе.

Я все забыл,
Бетнак-Дала, —
Меня Москва
учить взялась.

И ты забудешь
горечь зла,
ожившая
Бетнак-Дала.

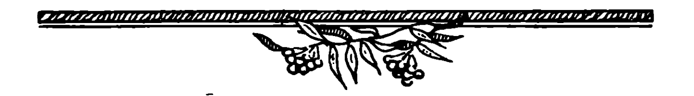


Владимир **ГОРДЕИЧЕВ**

ГУДЯТ КОРАБЛИ

Три года живем мы вместе
с бывалым моим погодком,
поставив тумбочки рядом
в студенческом городке.
Ог флотских его скитаний
осталась одна походка
да пара шведских ботинок
на кованом каблуке.
Он любит вставать до света,
пьёт чай из железной кружки,
к зачетам и толстым книгам
без жалобных слов привык,
за спинкой его кровати
торчит хоккейная клюшка,
и шею матроса греет
цигейковый воротник

Мы знали его три года
похожим на всех студентов.
Вчера, разбирая вещи,
с билетом на «Трех сестер»,
он вынул из чемодана
блеснувшую медью ленту
и долго, застывшим взглядом
смотрел на нее в упор.
А в окна ударил ветер
томительно тяжким ревом,
и пол задрожал, и стены
открыли простор вдали,
где в брызгах соленой пены
за тысячу верст отсюда
тревожно гудели в море
идущие корабли.
Мы медленно вышли в темень,
оставив в комнате песню
и четкую дробь морзянки
в рупоре «москвича»,
чувствуя острый, внезапный
приступ серьезной болезни,
которая не проходит
от лекарства врача.



А. ПРИСТАВКИН

ШКОЛЬНИЦА

Вере О.

Был в школьницу с глазами голубыми
Когда-то презабавно я влюблен.
И мне ее весьма простое имя
Казалося превыше всех имен.

И счастью своему не зная меры,
Что б мой секрет другим известен стал,
старательно повсюду имя: «Вера»
Ножом я перочинным вырезал.

Случилось так, что я впервые, лично,
Ее от школы к дому проводил.
И дожидаясь за углом, привычно,
На стенке слово «Вера» выводил.

Карнизик невысокий шел вдоль дома.
И вдруг увидел я из-за угла
Ее с мальчишкой рыжим незнакомым.
И тот спросил: «Кого ты привела?»

Она пошла по этому карнизу,
За рыжего держась рукой одной,
И, опустив глаза немного книзу,
Сказала:
«Этот? Учится со мной...»

Не стал я ждать. А драться и подавно.
Оставив их, ушел. Ушел совсем.
А много лет спустя, уже недавно,
Ее я встретил. С парнем, но не с тем.

И как-то стало мне чуть-чуть обидно
За рыцарство свое, чего скрывать.
Да, все-таки не надо было, видно,
Ее с мальчишкой рыжим оставлять!



Рафаэль САФИН

* * *

Резвится Ай, искрится Ай-река,
Проносит волны радостно легки.
И песнь моя рождается, звонка,
Сливаясь с гулким рокотом реки.

«Орлиный камень» слушает меня,
В глубокое раздумье погружен,
Быть может, к речке голову склоня,
Батыра Салавата вспомнил он,

Как Салават поднялся на скалу,
Доступную лишь одному орлу,
И о неволе пел печальный сказ,
И как слеза, под ним река лилась.

И видел он сквозь годы, сквозь века,
Сквозь синь-туман, сквозь тучи — облака:
Встает рассвет, и радостно легка
Резвится Ай, искрится Ай-река.

Перевел с башкирского Н. Краснов.

* * *

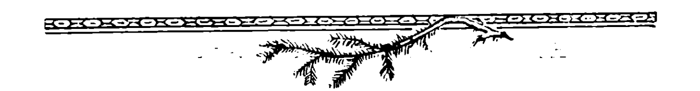
Не утаю, я девушек встречал
Прекрасных — много их в родных краях.
Но среди них такую я искал,
Которая жила в моих мечтах.

Мечтал и верил: повстречаюсь с ней,
И вот теперь мы встретились с тобой.
На чистом небе юности моей
Ты засияла первою звездой.

Нужна весною не одна гроза,
Чтоб вся природа снова ожила.
А ты лишь заглянула мне в глаза
И сразу сотни весен мне дала.

Дивлюсь и радуюсь своей судьбе,
И песней счастья грудь моя полна.
И понял я, моя любовь к тебе
Была со мною вместе рождена.

Перевел с башкирского Н. Краснов.



И. ЖДАНОВ

НАХИМОВЦЫ

Вспомним склянок тревожную медь,
Вспомним дудок надсадные трели —
Было нам по двенадцати лет,
Мы впервые бушлаты надели.

В бухте зыбилась легкая рябь,
Четок башен готический контур,
Исчезал одинокий корабль
За размытой чертой горизонта.

Мы на мокром причале стоим
И завидуем тем, кто уходит,
И молчим, бесконечно молчим
И мечтаем о дальнем походе.

Моряки мы еще не сполна,
Мы ни штормов, ни шквалов не знаем,

Наши шлюпки качает волна
Не морская, а только речная.

Но не зря наши флаги парят
В вышине, опаленные зноем, —
Путь широк! Расплескались моря,
Захлестнув побережья прибоем.

Будет в бухте такая же рябь,
Нас другие ребята проводят.
Вспомним тот одинокий корабль
Мы с тобой в настоящем походе.

Вспомним склянок тревожную медь,
Вспомним дудок надсадные трели.
...Было нам по двенадцати лет,
Мы впервые бушлаты надели.

В ТАЙГЕ

Скрестились борозды морщин
На лысом лбу. В таежном доме
Лесник живет, совсем один,
Махорку строго экономя.

Нет. Это выдержит не всякий, —
Тайга на сотни верст кругом,
Скулит замерзшая собака
Январской ночью под окном.

Ревет метель, снегов постели
По буреломам расстелив,
И тянут медленные ели
Тоскливый ветреный мотив.

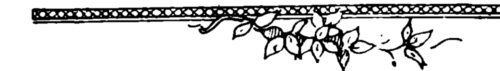
Не часто здесь бывают люди;
Нам был лесник заметно рад,
Сидел, к столу прижавшись грудью,
Расспрашивал всю ночь подряд.

Малиной кипяток заварен,
В коротких трубках тлел табак...
...«Старик! – спросил какой-то парень, –
Не надоело ль жить вот так?

Ведь это выдержит не всякий, –
Одна тайга шумит кругом
Да лишь замерзшая собака
Провоет ночью под окном.

Поедем-ка со мной на Волгу.
Здесь сосны – только и всего».
Старик задумался надолго,
Но не ответил ничего.

С ветвей пластами снег срывался,
Кружились завихри пурги,
Старик лукаво улыбался
И слушал музыку тайги.



Николай ДАМДИНОВ

В ГОСТЯХ У МАЯКОВСКОГО

Много вопросов меня тревожит:
Что он скажет?
Спросит о чем?
Может, просто смолчит?
А может,
Руку положит мне на плечо?
За пазухой сверток.
Несу перевод
Любимой главы
поэмы «Хорошо!»
Он должен быть дома сегодня.
И вот
Я тихо
в дом
вошел.

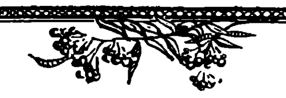
Я в дом вошел
с мечтою о счастье.
Но что это?
Голос мне незнакомый:
«Поэт уехал...
Да вы не печальтесь.
Он оставил
друзьям
ключи от комнат.
А для того, чтобы знал,
когда
И кто у него гостил,
Есть правило:
в эту книгу, сюда,
Имя свое занести».
Токарь Петров.
Арагон.
И рядом
Подписываю, как под клятвой,
свое
имя степного бурята.
Неутомимое солнце в окно
Сыплет лучи навалом,
Рассказывая о том,
как оно
В гостях
у поэта
бывало.

Но ярче солнца,
светлей и резче
Со стены портрет:
поворот головы,
«Рот открыт
в напряженной речи,
Усов щетинка
вздернулась ввысь».
С Лениным,
с солнцем
поэт беседовал...
И мысли во мне
закипают большие.
Из этой комнаты,
с места этого
Хочу размахнуться пошире.
Сравненья проходят
торжественным маршем.
К примеру:
перо его.
В стол вросло.
Люди десятипудовиками,
балуясь, машут,
Но попробуй
поднять.
Тяжело!
Кресла и стол —
будто глыбы гор,
Замершие на веки веков.

Хорошо отсюда вести разговор,
Глядя
в грядущее
далеко.
Вечереет.
А мне не легко уйти.
Сколько времени
здесь стою я?
В комнате тихо.
Гулко в комнате.
Вещи грустят,
о нем повествуя.
Вещи грустят,
не верить нельзя им:
«Отсюда в апреле ушел хозяин.
А перед этим
в последний раз
Нежно рукою касался нас.
Стихи шептал,
на стол опершись.
Часы завел,
повернулся неслышно,
И — большой, как жизнь,
Из комнаты вышел.
Вышел,
и больше к нам ни на час.
За что он обидеться
мог на нас»

— Неправда! —
я крикнул. —
А ты взгляни
На людей,
посмотри в глаза им.
Сколько раз к тебе приходят они,
Столько раз
приходит поэт-хозяин.
Ну, мне пора!
Дверь открою я
Навстречу
слепящим потокам света.
Смех.
Трамваи.
Москва.
Друзья.
Это — Маяковский.
Жизнь — это!

Перевел с бурят-монгольского
Роберт Рождественский



Лев ДУБАЕВ

ТРУД

По часам мы плавим металл.
Кто же эти часы собирал?
Может, скажешь, ты сам: «Друзья,
А ведь маятник делал я».

Регулируя ход и бой,
Стрелки кто-то вставлял другой,
И, улыбку спрятав в усы,
Старый мастер завел часы.

И слагается общий труд,
Как часы — из малых минут.
Пусть не строил ты в доме стен,
Но к нему подвозил цемент.

Строй, печатай, пиши и крась,
Укрепляй трудовую связь.

Без гвоздя не прибьешь доски,
Без винта не зажмешь тиски.
Всем спасибо, кто жить умел
Для великих и малых дел.

ЛЮДИ В ТАЙГЕ

Медвежонок курчавый вкатился.
Не поднять на такого руки.
Словно нас увидал и смутился,
На поляне привстав на дыбки.

Водит носом, урчит недовольно:
— Потоптали мне ягоды все.
Вот и мы виноваты невольно,
Это наши следы на росе.

Это мы, лесорубы, сначала, —
Инженеры приедут потом.
Эх, малыш, земляника пропала.
Пахнет дымом, железом, жильем...

Нет, тебе не понравится с нами.
Мы тайгу начинаем рубить.
Слышишь, бурый, скажи лучше маме,
Что отсюда пора уходить.



Фазу АЛИЕВА

ЧАСЫ

День ожидала тебя и второй,
В двери вот-вот постучишься легко ты.
Ты же явился холодный, чужой,
Так, как приходит лентяй на работу.

Будто силком затащили сюда,
Будто бы с долгом пришел рассчитаться, —
Раньше улыбкой такой никогда,
Встретясь со мной, не умел улыбаться.

Тускло блестел на «Победе» металл —
Взглядом своим торопил ты мгновенья
И, притворясь огорченным, сказал:
«В восемь я должен уйти, к сожаленью...»

Маленький сын наш глазами просил,
Чтоб не ушел ты, чтоб с нами остался.

«Я не могу!» — ты ему объяснил.
Стук в это время какой-то раздался.

«Как же, сынок, уронил ты часы?
Ну, отвечай-ка: зачем ты их трогал?!»
«Мама, хотел я, — расплакался сын, —
Стрелки назад переставить немного...»

Ты прикоснулся губами слегка
К сыну, как будто бы не было силы,
И распрощался. Ребенка щека
Ласки отцовской не ощутила..

Не обвиняю, что стал ты скупой:
Нежность души и огонь поцелуев
Ты бережешь, очевидно, для той,
Что ожидает тебя, негодуя...

Перевел с аварского Иосиф Курлат.

ЧАБАН И ДОЯРКА

Однажды в колхоз возвращалась я с гор,
И дождь налетел, беспощаден и скор,
Он мчится по скалам, он хлещет водой...
Вдруг вижу: навстречу чабан молодой.

— Послушай, чабан, — говорю, подойдя, —
Укрой меня буркой от злого дождя.

Я очень замерзла, промокла в пути —
Согрей, приласкай на широкой груди.

— Красавица! Вижу — попала в беду,
Но места под буркой тебе не найду,
У сердца не хватит тепла и огня —
Я грею под буркой озябших ягнят.

На следующий день, начиная с утра,
В горах и в долине томила жара.
А к вечеру мне на тропинке крутой
Опять повстречался чабан молодой.

— Красавица! Пусть я с тобой не знаком,
Укрой под своим белоснежным платком.
Водил я отару под зноем весь день,
Пусть будет наградой волос твоих тень.

— Прости меня, сокол, под этим платком
Давно уже занято место телком.
А если душа у тебя горяча,
Прохладу ищи у знакомых девчат.

Перевел с аварского Ю. Полухин.



ВАНГЕЛ ГЬЕЧИ

КУКУРУЗА

В полях безмежных русских поднялась,
Отяжелела сахарною влагой,
Амбары переполнила до крыш,
И приглашенье в гости получила
Из дальних мест,
На узкие поля —
На склоны гор албанских.
Шесть морей
Качали тот мешочек с кукурузой,
Что плыл, как делегат на корабле,
Из южного советского колхоза.
И наша каменистая земля
Объятия раскрыла русской гостье,
И наши скромные поля ее
Континентальной влагой напоили.
И кукуруза выросла у нас,

Албанских земледельцев призывая
Объединяться в дружные артели
И наполнять амбары до краев
Початки-коротышки прежних лет
Она заставила подать в отставку,
Как сталинградский трактор пересек
Дорогу древним феодальным сохам.

Перевел с албанского Евг. Долматовский

РОДИНА

Вдали, над горной крутизною,
   Албанский небосклон.
Далеко Мати[1] за спиною,
   А предо мною — Дон.

Отчизна, я прошел немало,
   Мой путь и прям, и крут,
Но по твоим орлиным скалам
   Мои мечты идут.

Необозримые просторы
   Я пересек весной,
И так близки мне наши горы,
   Как этот край донской...

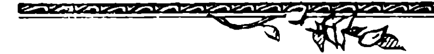
---

[1] Мати — река в Северной Албании, где строится ГЭС — самая большая стройка первого пятилетнего плана.

...И вновь к тебе я, Мати, вышел,
Где ты бежишь, кипя,
И снова говор твой услышал,
И не узнал тебя:

Вздымается стена бетона
Наперекор волне,
И песня Мати песню Дона
Напоминает мне!

Перевел с албанского Б Дубровин



В. ФИРСОВ

УЧИТЕЛЬНИЦЕ

М. М. Клименко

Я в класс вошел впервые чуть неловко.
Вы подошли, спросили: «Как зовут?»
Я, помнится, ответил просто: «Вовка»,
А вы сказали: «Сядь, Володя, тут».
Я был тогда счастливей всех на свете.
Все сразу буквы был учить готов.
И мог ли я понять, что буквы эти
Вы мне дарили для моих стихов.

РЫЖИЙ

Кто его назовет просто Рыжим,
а кто
Назовет его «светлым» иль «красным».
Только он не обидится вовсе за то,
А спокойно ответит: «Напрасно,

Разве я виноват, что родиться сумел
В золотую осеннюю пору?»
И потрогает чуб, и раскатится смех
По больничному коридору.
А бывало и так говорили ему:
«Ты пришел к нам в палату — и стало светлее».
Он ответит: «Считаться-то нам ни к чему,
Разве я для кого-нибудь света жалею?»
И опять засмеются, а Рыжий свой чуб
Золотистый, вихрастый погладит:
«Мы смеемся, а я ведь, друзья, лесоруб,
И меня не хватает в бригаде...
Эх, скорей бы отсюда». И вот насовсем
Покидает больницу приятель...
И с уходом его показалось всем —
Потемнело немного в палате.



Вл. СУКОВСКИЙ

ДВА МОРЯ

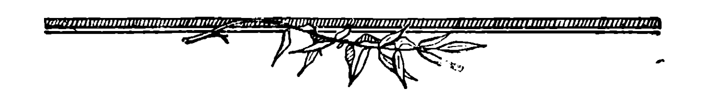
На небе ни облачка.
Зной и штиль.
Потрескались скалы, с волною споря.
Море!
На многие сотни миль
Море!
Плещется в скалах,
Играя красками,
То синей,
то вдруг синевато-белой.
Скажи,
отчего ты сегодня ласково?
Отчего
разомлело?
Надоело, видно, шуметь по свету,
Распахнуло, синея, даль.
Пользуйтесь, дескать,
покуда лето,

Купайтесь, товарищи,
мне не жаль.
Лежишь на песочке,
и тишь вокруг.
Вздыхает сосед, прикорнув украдкой.
И море, сзади
подкравшись
вдруг,
соленой волною
щекочет
пятки.
Пузырится краска
на желтом заборе.
Июньское солнце
и жарит,
и светит!
А рядом, за молом —
другое море
шумит,
совсем несхожее
с этим!
Лес мачт.
Над водой — пароходный гам.
И ритмом
работы спаяны,
вздымаются краны.
То здесь,
то там —
— Вира-а-а!

– Майна-а-а!
На рейд
опускается вечер.
За шумом не слышно матросских
горнов.
Эсминец уходит навстречу
шторму.
А небо уже
начинает хмуриться.
И встречный ветер шумит, прохладен.
И тают за дымкой
сады и улицы
и желтый пляж,
накаленный
за день.
В машинах,
ощупав каждую гайку
и выверив помпы в десятый раз,
матросы
в насквозь
пропотевших майках
с горячих турбин
не спускают
глаз!
А ветер
шумит ненастьем,
вздымая
навстречу
вал.

Вот оно —
счастье:
шквал!
На небе — ни зги!
На просторе —
лишь музыка шторма,
кантат чудесней.
Пой,
море,
наши
песни!
Звени,
волнам вторя,
соленого
ветра
визг!
По гребням
моря —
вверх!
Вниз!
Нам ли, товарищ,
бояться шторма!
Расправь плечи,
собравшись с силой!
А нет —
Снимай матросскую форму!
Море
не терпит
хилых!

А утром у пирса,
зеркала глаже,
усталое море
нежится в лени,
и вновь,
омывая соседние пляжи,
за все происшедшее
просит
прощения.
И снова над пляжами
солнца медь.
И облачко около спит в дозоре...
Скажи мне,
ответь,
ты ли это,
море?



А. МОЛДОКМАТОВ

МЕЧТА РЕБЕНКА

Я стоял в метро у эскалатора,
А навстречу мне из-под земли,
Как из вулканического кратера,
Два потока лестницы несли.

Вот я девочку заметил мельком,
(Ей всего четыре или пять),
А она, поднявшись на ступеньку,
Выше мамы захотела стать.

Словно в сказке, лестница тянулась,
Ей, наверно, не было конца.
Девочка от счастья улыбнулась,
Выше мамы ставшая.
С отца.

Перевел с киргизского В. Парфентьев.

ПОЧТАЛЬОН

Звенит уздечка под окном.
— Эгей, друзья, не спите!
Скорей меня пустите в дом,
Коль новость знать хотите.
Айдар на взмыленном коне —
Видать, трудна дорога! —
Сидит в потертом чепкене[1],
А писем в сумке много.
Я на конверт гляжу, гляжу —
Мне век не наглядеться,
Как будто я в руках держу
Моей любимой сердце.
Айдар кричит мне: — Будь здоров!
Пиши ответ невесте...
Ему, наверно, сто годов,
А может, даже двести.
Он любит маленьких ребят,
Склонялся сам над зыбкой.
О нем в ауле говорят,
Родился он с улыбкой.

Перевел с киргизского В. Кузнецов

---

[1] Чепкен — шуба.

ДОЖДЬ

Я сижу, раскрыв конспекты, за столом,
В тихой комнате спокойно и тепло,
И бушует бодрый дождик за окном,
Капли звонкие швыряя на стекло.

Дождик пробует запоры у дверей,
Шепчет мне: — Ну, что сидишь ты за столом?
Посмотри, что натворил я на дворе
И какие травы вырастил кругом.

Пусть покоя не дает он мне с утра —
От конспектов и тетрадок не уйду.
Пусть беснуется и льет, как из ведра,
И трясет, и клонит яблони в саду.

Лейся, дождик! Яблонь свежую красу
Омывай прозрачной теплою водой...
Завтра в школу я в портфеле принесу
Эти яблоки, что сорваны тобой.

Перевел с киргизского Ю. Полухин.



Людмила **ЩИПАХИНА**

СОПЕРНИЦЕ

Ворвалась в мою жизнь непрошенно,
О моей беде не скорбя.
Но, наверно, ты очень хорошая,
Если он полюбил тебя.

Может, тоже — голубоглазая,
Жизнерадостна и резва,
Только он ничего не рассказывал,
Даже имени не назвал.

Как найти тебя между прочими?
Где ты ходишь в нашем краю?
Я тебя не видала воочию,
Но во всем тебя узнаю.

В свете солнца, в майском цветении,
В чутко дрогнувших голосах,

И в бессонных моих сомнениях,
И в счастливых его глазах.

И когда он, свидание комкая,
Второпях прощался со мной,
Значит, это ты незнакомкою
За его стояла спиной.

Ты пришла в мою жизнь непрошенно,
О моей беде не скорбя.
Но, наверное, ты хорошая,
Если он полюбил тебя.

Я бы рада была не тревожиться,
Да как вспомню минуты встреч...
...Береги ж его, сколько можется,
Если я не смогла сберечь!

ХАРАКТЕР

Закрепленный тысячами практик,
Слаженный из тысячи примет,
Встал со мною рядом мой характер,
Двадцати еще не полных лет.

Он ведет со мною бессловесный
Разговор,
немного свысока,

Будто он совсем не мой ровесник,
А видавший виды старикан.

Это он мой лоб уже отметил
Меж бровей морщинкою упрямой.
Правду научил искать на свете
И всегда в глаза смотреть ей прямо.

Это он, и сам не замечая,
Дал мне жажду ненасытных дел,
Силу положил между плечами,
В это платье скромное одел.

С ним,
      с таким,
            могу высоты брать я.
Для меня прочней опоры нет,
Он проверен тысячами практик
И скреплен из тысячи примет.

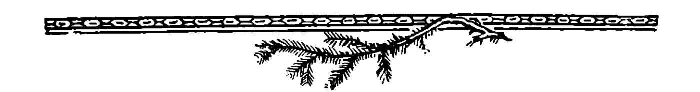


А. ЛЕДНЕВ

СНЕЖИНКИ

Дали нам задание в артели:
Целый день
до самой темноты
Мы рубили хворост
и с неделю
Из него потом плели щиты,
Ивовые,
тонкие,
простые...
Ну, а встали на поле,
Взгляни! —
Пехотинцев цепи боевые
Издали напомнили они.
Не на них ли,
В небе проплывая,
Загляделась туча,
И сюда

Опустилась первая, сверкая,
Маленькая
снежная
звезда.
А за ней
еще одна слетела...
Третья
балериной
проплыла,
Щит плечистый
На лету задела,
Там, где надо, на землю легла.
А потом все поле стало белым,
Вся земля вокруг
Белым-бела!
...Злись, пурга!
Не выйдет по старинке,
Злись, как хочешь,
Знаем,
все равно,
Что теперь-то
каждая снежинка
Превратится
к осени
в зерно.



Ю. МОРИЦ

БАКЛАЖКА

Он перед боем грелся у костра,
Шутил, смеялся, пел «Землянку» снова,
И даже очень грустная сестра
Сказала: «Пуля не найдет такого».

А он упал у ближнего села,
Закрыв рукой вихрастую ромашку.
Какая-то старушка подняла
Его слегка помятую баклажку.

...Опять сады под Киевом в цвету,
Опять в окно черемуха стучится,
И солнце набирает высоту,
Чтоб крылья не обжечь летящим птицам.

И так, примерно, месяц напролет.
На берегу Днепра полно народу,

И продавец одной девчонке льет
В баклажку газированную воду.

Лежит, молчит баклажка на столе,
Блестя давнишней вмятиной военной.
И бесконечность жизни на земле
В одну минуту стала несомненной.

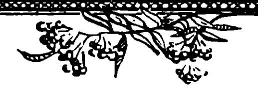


Николай **АГЕЕВ**

ВОРОНИЙ БРОД

Вороний Брод —
К чему названье это
Селу придумал
Кто-то в старину?
Здесь нет ворон,
Чтоб нарушали летом
Короткую
лесную тишину.
Здесь тишина,
Как старая лисица,
Что выстрелом
напугана была, —
Входить в село
при сумерках боится
И днем уходит дальше
от села...

Вороний Брод —
И к каждому жилищу
Тайга,
Насупив брови,
подошла.
На карте областной
с трудом отыщешь
Название таежного села...
...Рассвет редеет.
В утреннем тумане
Над крышами качаются дымки,
Гудок на лесопилке прогорланил,
Порожняком прошли грузовики.
Проснулось солнце
за Медвежьим Яром —
И день рабочий начался с утра...
А к школе по дощатым тротуарам
Торопится шумливо детвора.
И я гляжу,
Чуть затая дыханье,
На твой таежный
деловой уют.
Вороний Брод —
старинное названье,
А люди здесь по-новому живут.



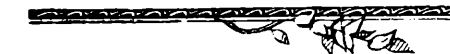
Бадави РАМАЗАНОВ

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

Горный ключ, меня уважь
ты
И ответь скорей:
Почему не хочешь жажды
Утолить моей?
Не к тебе ль тропой седою
по утру и днем
Приезжал я за водою
На осле верхом?
Шли и жены и невесты
Каждый день сюда.
Горный ключ,
куда ж исчез ты?
Не сыщу следа.
Стал ли ты, мой друг
студеный,
Тучкой в синеве,

Лег росой ли на зеленой,
на густой траве?
Затерялся ли в глубинах,
О тепле скорбя,
Или девушки в кувшинах
Унесли тебя?
Нет, ты жив, мой друг!
                                        не так ли?
И когда рука
Медный кран в нагорной
                                        сакле
Отвернет слегка,
Ты, журча,
На дно кастрюли
Хлынешь во всю прыть...
Проза...
        Но не потому ли
Нашим женщинам в ауле
стало легче жить?

Перевел с лакского Я. Козловский.



Иосиф КУРЛАТ

ИВА

Где столетняя ель горделиво
Держит лапы свои навесу,
Заблудилась нечаянно ива,
Заплутала под вечер в лесу.

Заболели у маленькой ноги
И расплакалась горько она:
«Я не знаю отсюда дороги,
Я продрогла и я голодна.

Помогите мне, тети и дяди,
Я на речку, я к маме хочу!»
Иву клен по головке погладил,
Дуб похлопал ее по плечу.

Травы дали ей мох для постели,
Граб укрыл одеялом ветвей,

Птицы нежно и ласково спели
Колыбельную песенку ей.

А наутро — исчезла усталость.
Встала ива, стряхнула росу,
Заигралась да так и осталась
Среди братьев веселых в лесу.

Годы шли. А над речкой на круче
Мама-ива глядит в полутьму.
Все ее называют плакучей,
Но забыли уже, почему.



Белла АХМАДУЛИНА

* * *

На грядках зеленого огородика,
Где тянется хмель к кривому крыльцу,
Я неожиданно встретила Родину,
С нею столкнувшись лицом к лицу.

Она стояла, обнявшись с вишнею,
В сиянии белых ее цветов,
Такая красивая и неслышная,
С простою улыбкой, без громких слов.

Дрогнула тонкая ветка смородины,
На щеку мне бросив росинку одну.
Может, тогда я увидела Родину,
Всю красоту ее и глубину.

НОЧЬЮ

Как бы мне позвать, закричать?
В тишине все стеклянно-хрупко.
Голову положив на рычаг,
Крепко спит телефонная трубка.
Спящий город перешагнув,
Я хочу переулком снежным
Подойти к твоему окну
Очень тихой и очень нежной.
Я прикрою ладонью шум
Зазвеневших капелью улиц.
Я фонари погашу,
Чтоб глаза твои не проснулись.
Я прикажу весне
Убрать все ночные звуки.
Так вот ты какой во сне...
У тебя ослабели руки...
В глубине морщинок твоих
Притаилась у глаз усталость..
Завтра я поцелую их,
Чтоб следа ее не осталось.
До утра твой сон сберегу
И уйду на рассвете чистом,
Позабыв следы на снегу
Меж сухих прошлогодних листьев.



Салбон АНГАБАЕВ

ГРУША

Прошли дожди, снега обрушив,
И там, где гнезда вьют орлы,
Цветет приземистая груша
На самой лысине скалы.

Над нею синева сквозная,
Под нею мхи, да тень, да грязь.
Когда и как — никто не знает —
Она на кручу взобралась.

Известно только, что над нами
Она и вкривь, она и вкось,
Как бы железными корнями
Прошила известняк насквозь.

И, полюбивши голый камень
Невероятной крутизны,

Вцепилась так в него руками,
Что ей и бури не страшны.

Не запугает непогода
Ее, рожденную в борьбе...
Судьба бурятского народа
Мне видится в ее судьбе.

Живем в любви мы, да в совете
В крутой заоблачной дали.
И силы нет такой на свете,
Чтоб оторвать нас от земли.

Перевел с бурят-монгольского В. Журавлев.

ВОДОПАД

Вначале речушка
в движении строгом
по низким ступенькам,
по горным порогам
с высот, что покрыты
зеленым халатом,
спускается, словно
в метро эскалатор.
Потом, расковавшись,
туманом клубится
и вниз светлогривой
летит кобылицей.

Летит, задыхаясь,
и горное солнце
на взмыленной холке
как всадник, несется.
И, всадника этого
сбросить пытаясь,
речушка бунтует,
с горы низвергаясь.
«Постой! Разобьешься
о наши оскалы!» —
кричат ей надсадно
скуластые скалы.
Но где там!.. Упрямая.
Через ступени
речушка на камни
взлетает вся в пене.
И вниз головой
сбросив всадника с холки.
И — вдребезги брызги!
И — солнце в осколки!
И всё... Только звон
бубенцов по округе
да вспыхнувшей радуги
яркие дуги,
да влажные ветры
внизу над лугами,
да белая пена
у скал под ногами.
И всё... Лишь взмывали

грачихи с грачами,
да в горькие дни,
пожимая плечами,
потоку воды
говорили буряты:
— Сколько же силы
расходуешь зря ты!..
Запрячь бы тебя вот!
И деды веками
беспомощно здесь
разводили руками:
— Запрячь бы тебя вот!
И люди ту реку
заставили всё же
служить человеку.
Заставили всё же!
И ныне в округе
я вижу, товарищи,
вижу, подруги,
как в каждом колхозе
и в каждом оконце
сверкает
с вершины
сошедшее солнце.

Перевел с бурят-монгольского В. Журавлев



Юрий ПАНКРАТОВ

В СТЕПИ

Кипит жарынь!
И хоть бы где
случайно
Найти прохладный
тихий уголок.
Степное солнце —
раскаленный чайник —
На спины
хлещет
жаркий кипяток.
Он льется к нам
с сияющего верха,
в песок стекает,
капая со лба.
А степь пуста,
и только
сонный беркут

сидит безмолвным
продолжением столба.
Оттуда, сверху,
он следит за нами.
— Чего сидишь?
Лети, пока крылат!
Под ним
к столбу прикрученный
«динамик»
блестит
под цвет
орлиного крыла.
Молчит «динамик»,
глаз уставя длинный
в песчаное,
дымящееся варево.
Или боится он
когтей орлиных,
или в жару
не хочет разговаривать?
Когда ж
мы было
вовсе приуныли,
мигнуло нам
динамиково око,
но шум ли это
в радиоэфире

или орла проснувшегося
клекот?
От наших временных
неряшливых построек
бежал радист,
стирая пота
град.
Ребята!
Братцы!
Слышите?
Настроил...
— Ленинград!!
Взметнулся беркут,
и, подобно лаве,
в кипящее,
песчаное бессоние
влилась
железным перезвоном клавиш
великая
Девятая
симфония!
Мы вылезли,
сбежались все
и встали.
По лицам пот
струил косые полосы.
Всклубился вихрь.
По степи разметались

косматые
бетховенские волосы.
Да!
Песня не для
сладостных утех,
мы поняли
гиганта-звуководца.
Им этот гимн
написан лишь для тех,
кто
бьется,
добивается,
добьется!



Муса МАГОМЕДОВ

ЛЮБИМОЙ

Мы не знали, что такое ссора,
Долго жили в мире да в ладу.
А теперь отец твой, как на вора,
На меня охотится в саду.

Помню, он меня еще мальчишкой
Брал частенько на руки к себе,
Угощал то пряником, то пышкой,
Волновался о моей судьбе.

Иногда, всерьез ли, просто ль в шутку,
(Я за правду это принимал!)
Он тебя — трехлетнюю малютку —
Все моей невестой называл.

Говорил: «Побудь с невестой вместе»,
Если шел проведать пастухов.

Жаль, тогда тебе — моей невесте —
Было наплевать на женихов!

Мы не знали, что такое ссора,
Долго жили в мире и в ладу.
А теперь отец твой, как на вора,
На меня охотится в саду.

Прежней дружбе нету больше места,
Нет за чашкой чая теплых встреч,
И про то, что ты моя невеста,
Не заводит старый что-то речь.

На работе — не подаст и виду:
Только вижу — нет, не верит нам,
Он понять не хочет, что в обиду
Я тебя и без него не дам.

Перевел с аварского Л. Соловьев.



Т. ЖИРМУНСКАЯ

В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Запомнить все:
                    побудку рано-рано,
И слитки солнца в теплом ручейке,
И влажные, душистые с дурманом
Болотные цветы в моей руке.

Их доставал с опасностью для жизни
Мой третий, несговорчивый отряд.
На них водой из пригоршни брызни —
Они, как самоцветные, горят.

Представить это. Помнить непременно:
Пароль военный. Сосны. Тишина.
Томительный вечерний запах сена...
— А если, правда, мальчики, война?

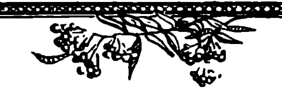
— Да мы на реактивном самолете
Всех разбросаем, в щепки разнесем!
— Ну, а меня угонят — вы спасете?
— Да, честное-пречестное, спасем.

Нет, я хочу, чтоб все на свете раны
Лечила просто звонкая струя,
Сраженные крапивой атаманы,
Защита ненадежная моя.

Нет, я хочу, чтоб марлей не стянули
Откинутых, неузнанных голов!..
Пусть вылетают ягодные пули
Из камышиных дудочек-стволов.

Приполз туман, тяжелый, синеватый,
И задышал на стекла, как живой.
Отчаянная пятая палата
Устало спит, укрывшись с головой.

Спят будущие храбрые мужчины,
Ночная совка просится в окно,
И отсветы проехавшей машины
По стенам проползают, как кино.



Ю. КОРИНЕЦ

ТЕНЬ

(Стихи для детей)

Был погожий летний день,
солнце пригревало,
и от самолета тень
по земле бежала.

Без дороги,
прямо,
по буграм
и ямам,
через воду
и песок,
через поле
и лесок.

Где еловые иголки
задремали на весу,
ни одной иголки с елки
не стряхнула тень в лесу.

Потому что легче тени
ничего на свете нет.
Не примнет она растений,
не стряхнет с черешни цвет.

И хотя у тени длинной
два распластанных крыла,
все же в небо за машиной
тень подняться не смогла.

По траве,
по копнам сена,
по заборам,
крышам,
стенам,
то прямая,
то кривая,
тень мелькает,
как живая.
Приземлится самолет —
тень под крыльями уснет.

ВОЛШЕБНАЯ КАДКА

Есть у нас в саду две кадки,
первая стоит
на грядке.
На припеке кадка эта,
солнцем в ней вода нагрета.

У больших дверей сарая
на траве стоит вторая.
Целый день в тени она,
и вода в ней
холодна.

Почему ж тогда
вода
испаряется быстрей
не из кадки, что на грядке
а из кадки
у дверей?

В чем же дело?
Вот загадка!
Не волшебная ли кадка?

Думал, думал я упрямо,
но ответа не нашел.
Стала звать к обеду мама,
я усталый сел за стол.
Я сказал себе:
Отлично.
Будем рассуждать логично:
наш учитель говорил —
в мире нет волшебных сил.
Если кадка
не дырява,
значит, в физике пробел,

и ученые
неправы,
и учебник
устарел!

У меня дрожали руки
и не лезла ложка в рот...

Может, я сейчас в науке
совершу переворот!
Отказавшись от второго,
побежал я к кадке снова,
заглянул в нее:
опять
надо воду доливать.

От волнения сгорая,
я стоял в тени сарая,
а за мной из-за угла
наблюдали
два
козла!

Два козла большого роста
неспроста пришли сюда:
у козлов с бородок острых
на траву
текла
вода...

БИНОКЛЬ

Папа вытащил из шкапа
Свой бинокль полевой.
Я сказал: позволь мне, папа,
Посмотреть в бинокль твой.

Сразу за оградой сада
начинается лесок.
Только надо до ограды
сад пройти наискосок.

Лес тот близок ли,
далек ли —
не пойму теперь никак:
с одного конца бинокля
поглядишь —
до леса шаг;
поглядишь с конца другого —
кажется, что лес далек,
повернешь бинокль — и снова
приближается лесок!

Оглушив гудками лес,
из-за леса мчит экспресс...
Под окошками экспресса
я прочел:
«Москва — Одесса».
Все в бинокле стало близким —

и далекая река,
и над нею,
низко-низко,
дождевые облака.

Я в бинокле очень просто
вижу
камень у реки,
рыбаков в воде у моста
и на волнах поплавки.

Вижу я, как вышла кошка,
пышный хвост подняв трубой,
из чердачного окошка
в сером доме за рекой.

Все как будто встало рядом —
только руку протяни.
Все увидел я из сада,
не слезая со скамьи.

Даже на руке соседа
(шел он лесом мимо нас)
на ручных часах «Победа»
увидал,
который час!

ЗАЙЧИК

В сад забрался
зайчик бойкий.
Не велик он и не мал.
Влез по балке на пристройку
и по крыше пробежал.

Этот зайчик очень ловкий –
то, как мышка в мышеловке,
в темном мечется окне,
то вдруг скачет
по стене...

Вы мне скажете:
Не верим!
Незнаком ты с этим зверем
Серый заяц лишь во сне,
может бегать по стене!

Нет, ребята дорогие,
написал сейчас стихи я
не о зайце, что в лесу
ест кору и пьет росу,
в шубу серую рядится
и охотников боится.

Просто
с зеркалом в ладони
я присел на подоконник,
солнце в зеркало поймал
и гулять его послал.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Стр.

Книга оформлена студентами III курса
Института имени Сурикова
Л. Сикорским и И. Прагером.
Редактор А. Коваленков.
Технич. редактор Е. Яковлева.

Издательство «Московский рабочий»,
Москва, ул. Герцена, 24.

* * *

Л98300. Подписано к печати 27/IV 1956 г.
Формат бумаги 60×92 1/32. Бум. л. 2,25.
Печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 4,16. В 1 печ. л.
36 980 знаков. Тираж 7 000.
Цена 3 р. 60 к. Зак. 53.

* * *

Типография изд-ва «Московский рабочий»,
Москва, Петровка, 17.

